

Предупреждение для читателей и читательниц

Давайте проясним: эта история написана для МАЛЬЧИКОВ и ДЕВОЧЕК.

Если ты мальчик или девочка и тебе восемь лет, эта книга тебе подходит.

Если тебе девять, хорошо.

Если тебе десять, отлично!

Если тебе одиннадцать, великолепно!

Если тебе от двенадцати до шестнадцати лет, ты уже большой и можешь сам решать, что читать и что делать.

Но взрослым эту книгу читать НЕ стоит. Её могут читать все, кому исполнилось хотя бы семь лет. Но только НЕ взрослые, потому что взрослые всегда хотят ПОНЯТЬ книгу, найти её СМЫСЛ, её посыл или объяснить, что СИМВОЛИЗИРУЕТ тот или иной персонаж, а это просто история, которую нужно прочесть, — вот и всё.

В ней даже не нужно ничего понимать: с персонажами происходят разные события, и, если всё идёт хорошо, читатель следует за главной героиней, веселится или огорчается вместе с ней, доходит до конца — и точка. Прочитав эту книгу, можно её даже забыть.

Однако если вы взрослые и очень хотите её прочитать, пожалуйста, хотя бы не спрашивайте себя, ПРАВДИВА ли она: это история — КОНЕЧНО, она правдива. (Но лучше, если эту книгу прочитают мальчики и девочки. Ладно, пусть даже шестилетние.)

*Флавио Сори́га, маркиз Пинтулину,
январь 2024 года*

1

Эта история началась в ноябре, когда холодно даже на моём родном острове Сардиния. Не настолько холодно, чтобы шёл снег, но чтобы зажечь камин — вполне.

У нас камина никогда не было, потому что ещё за несколько недель до начала этой истории мы жили в квартире в центре Сассари, города на севере острова.

Теперь мы переехали в Кальяри. Точнее, как постоянно говорит мой папа, мы находимся В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕЕЗДА. Другими словами, мы ищем дом в Кальяри, а пока живём в Уте, местечке недалеко от Кальяри. Кальяри — это столица Сардинии, а Сардиния — очень большой остров.

Остров Сардиния такой большой, что поездка на машине с севера на юг занимает два часа, даже три, если ехать медленно (три с половиной, если останавливаться на полпути, чтобы

пописать и уговорить родителей купить мягкую игрушку с огромными блестящими глазами, как это делала я, когда была маленькой). Сардиния такая большая, что переезд из Сассари в Кальяри — дело серьёзное и для него нужны веские причины. Хотя, если тебе девять лет, тебе эти причины и не объясняют.

Мне девять лет, меня зовут Нора. Мою маму зовут Фиона, и с её слов и началась эта история.

— Смотрите, что я нашла, — сказала мама однажды ноябрьским днём. Я вошла во двор (папа доставал из багажника машины школьный рюкзак), и она с улыбкой подошла ко мне, показывая

у себя на ладони что-то крошечное с иголками и колючками: ёжик!

Не ёжик в смысле каштан, потому что в Уте, местечке на равнине между двумя реками, каштаны не растут. Как мне объяснили, в Уте для каштанов неподходящий климат. И даже не тефтелька-ёжик, иначе с чего бы мама стала мне её показывать? (Может, она и могла бы показать мне тефтельку, если бы приготовила её впервые, а та получилась очень вкусной, но тогда в этой истории всё равно не было бы ничего интересного.)

— Посмотрите, какой чудесный зверёк, — сказала мама.

Это был ноябрьский день, и мой папа, которого зовут Антонио, посмотрел на ёжика и сказал:

— Бедняга, он дрожит.

— Да нет же, он вот-вот уснёт, ему пора в спячку, — возразила мама.

Мне тоже показалось, что ёжик вот-вот уснёт: глазки у него были маленькие-маленькие и почти совсем закрыты.

Тогда папа сказал:

— Пойду поищу, из чего бы сделать ему домик, и положу туда ломтик яблока и солому.

После долгих поисков он нашёл ящик из-под фруктов или овощей, поставил его на кучу листьев, обернул сухой травой и картоном и положил внутрь ломтики яблока. Наконец мама посадила ёжика в этот домик, или гнездо, или в то, что, по мнению папы, могло бы стать его гнездом, или домиком, или норкой.

— Возможно, его мама где-то поблизости, — предположила МОЯ мама.

Об этом я не подумала. «Раз он такой маленький, его наверняка ищет мама», — сообразила я и подошла, чтобы лучше его рассмотреть: милый звериный носик, глазки-бусинки и тёмная вытянутая мордочка. Остального тела было не разглядеть, он свернулся клубком. Если подумать, неспроста есть выражение «свернуться как ёж», то есть «сжаться в комочек»: я тоже так делаю в постели, но не настолько хорошо, как он. К тому же у меня нет колючек, хотя,

возможно, было бы неплохо их иметь. С другой стороны, если бы мама пришла меня пощекотать, а я бы свернулась как ёжик и у меня были бы колючки, мама не смогла бы ко мне прикоснуться. (Но тогда она тоже была бы мамой-ежихой и у неё тоже были бы колючки, и в таком случае мы бы, наверное, не щекотали друг друга, потому что ежи вряд ли так делают.)

Как бы там ни было, папа сказал:

— Нора, пойдём в дом, приготовим яичную пасту.

— А вдруг мать ищет его и не может найти? — спросила я.

Папа ответил, что если ёжик добрался сюда, то сумеет и вернуться к своей матери, а может быть, мать сама его найдёт, а когда увидит, что мы сделали для него красивый домик, тоже решит остаться, и они впадут в спячку вместе, в обнимку.

— Представь, как было бы здорово, если бы мы тоже могли впасть в спячку, — сказал папа.

Это я слышала от папы уже раз сто. Обычно папа остроумен, отпускает всякие шуточки и даже не боится называть их дурацкими.

Например, в его дурацких шуточках часто присутствуют:

- пуканье (или бздение, или пердёж);
- какашки;
- огненный пердёж (когда пукают на зажигалку);

- сопли и козявки;
- ругательства (одно или несколько).

Ещё несколько лет назад эти глупости ужасно смешили меня и моих друзей, а теперь нет. Думаю, он тоже это знает, но продолжает так шутить, потому что ему неприятно признавать, что то время прошло и его комический талант больше не действует. И всё-таки в целом папа довольно остроумен, если не считать шуток про пердёж. Проблема в том, что время от времени папа повторяется даже с шутками или рассказами, которые иначе были бы смешными или интересными. Может быть, в его возрасте люди плохо помнят, что уже рассказывали, а что — нет, а может, взрослые думают, будто если говорить что-то интересное или остроумное, то можно повторять много раз и всегда будет приятно слушать. Ну не знаю.

В общем, папа ненавидит холод, и мама тоже, поэтому в холодную погоду папа иногда говорит, что было бы здорово засыпать в конце осени, а просыпаться весной, чтобы не приходилось страдать от дождя, мороза и града. А мне, наоборот, нравится холод, я обожаю туман, не имею ничего против града и радуюсь дождю, а если бы пошёл снег, обрадовалась бы ещё больше.

Особенно сильно я полюбила холод с тех пор, как мы поселились в этом деревенском доме.

Мы живём на втором этаже, но у нас отдельный вход со стороны сада, который целиком в нашем распоряжении. Это не столько сад, сколько маленький, но совершенно дикий лес: в нём есть полуразрушенный гараж, где хранятся дрова и можно развесить бельё, когда идёт дождь, всюду валяются старые кирпичи, по которым ползают и оставляют следы улитки, в тёмных уголках растут грибы, птички прилетают туда в поисках пищи и щебечут, а самое главное — там можно прятаться в огромных кучах листьев. К тому же в этом доме, где мы будем жить, пока не купим жильё в Кальяри, есть камин, и я научилась разжигать огонь вместе с папой. У папы целая система разведения огня. На дно, под несколько слоёв хвороста, кладутся газетные листы (не слишком много, иначе камин задымит и огонь потухнет), потом нужно положить веточки потоньше и посуше, а потом — большие поленья. Когда всё готово, я поджигаю бумагу зажигалкой таким образом, чтобы пламя потихоньку тянулось вверх.

Я уже очень опытная и всегда поджигаю её с первого раза. Когда дрова загораются, я сажусь в кресло, вытягиваю ноги к огню и читаю комиксы, и это так здорово.

Короче говоря, нет, я бы не хотела впадать в спячку, тем более что зимой я учусь: в четвёртый класс я пошла в новой школе в Кальяри,

и у меня новые одноклассники и новые учительницы, и это тоже здорово, хоть мне и сложно.

Но к ёжику это сейчас не имеет никакого отношения.

Проснувшись на следующий день, я побыстрее умылась, оделась и, даже не позавтракав, побежала во двор посмотреть, там ли ёжик. Его там не оказалось, и яблоко он не съел. «Жалко, что он ушёл!» — огорчилась я. Но потом подумала, что он наверняка нашёл своё гнездо и теперь вместе с мамой готовится к спячке, так что это даже к лучшему. Я вернулась в дом, позавтракала печеньем и травяным чаем, которые приготовила мне мама, и папа отвёз меня в школу в Кальяри. Днём, когда он за мной приехал, чтобы отвезти на еженедельный урок английского, я сразу спросила, вернулся ли ёжик, и он ответил, что нет. Тогда я окончательно убедилась, что ёжик со своей мамой и всё хорошо, и пошла на английский со спокойной душой.

В тот вечер после ужина, пока я грелась у камина и читала комикс, папа очень злился из-за того, что, как он выражается, «этот проклятый камин не тянет». То есть в этом доме неправильно сложили камин или давно не чистили дымоход. В результате дым, который должен выходить по дымоходу прямым в небо, никуда не выходит или, по крайней мере, выходит не полностью.

Часть его остаётся витать по гостиной, так что дымом и запахом дыма пропитывается всё: мебель, одежда, волосы, кожа. Мама говорит, что раньше ей никогда не приходилось стирать всю одежду каждый божий день. Вдобавок дверь, ведущую на балкон, нужно держать приоткрытой, иначе, по словам папы, мы все прокоптимся, как лососи, и умрём. «Да ладно! От чуточки дыма не умирают», — подумала я, но, возможно, они преувеличивают, как взрослые делают, когда хотят сослаться. Так или иначе, дверь всегда приоткрыта, поэтому тепло, идущее от камина, смешивается с ледяным сквозняком с балкона и в доме всегда холодно.

— Представьте, как холодно ёжику, — сказала я.

— Всё ещё думаешь о ёжике? — спросила мама, готовя блины (сегодня её очередь готовить, а когда мама хочет приготовить блюдо-сюрприз, которое бы всем понравилось, то всегда делает блины, особенно если бабушка даёт нам яйца от своих кур). — Не переживай, он найдёт как согреться, природа всё продумала, — сказала она.

— Интересно, в каком укромном закутке он обосновался, — задумался папа. — Возможно, он нашёл полое бревно или забрался в живую изгородь из опунции, как это делают мыши.

«А не может ли мышь съесть ежонка?» — забеспокоилась я, но потом решила, что благодаря

своим колючкам он точно сумеет защититься. «Ёжику сейчас хорошо, он проводит приятный вечер в тепле, прижавшись к своей маме, и ему наверняка теплее, чем нам в этом странном доме», — думала я, засыпая. Но это было не так.

2

На следующее утро мы проснулись, позавтракали, собрались и вышли из дома, чтобы поехать в город. Я быстро проверила каждый уголок сада — насколько это было возможно, учитывая, что ночью лил дождь и мне пришлось постараться, чтобы не намочить обувь и джинсы, — и нет, ёжик не вернулся в домик, который сделал для него папа, его не было там и в помине.

Когда я вышла из школы, было ещё светло — по вторникам я не занимаюсь ни английским,

ни спортом, ни музыкой, — и папа, кладя мой рюкзак в багажник, сказал:

— Поехали домой, приготовим тесто для пиццы.

В то время он был немного заиклен на тесте и готовке и всегда хотел, чтобы я ему помогала, к тому же готовить пиццу весело, особенно когда нужно растягивать колобки теста, а потом добавлять соус, моцареллу и другие ингредиенты. Но кого же мы увидели, когда приехали домой и вышли из машины?

Во дворе под лестницей, ведущей в дом, стояла мама, снова держа в руках милого ежонка.

— Он вернулся, — сказала она. — Он ещё не впал в спячку.

Папа в три быстрых шага обогнал меня, подошёл к ней, хорошенько рассмотрел зверька и объявил:

— Этот ёжик не собирается засыпать, он умирает.

— О нет! — воскликнула мама. — С чего ты взял?

— Разве ты не видишь, что он весь дрожит от холода? — спросил папа. — И странно, что он всегда появляется днём, разве ежи не ночные животные?

— Ты прав, — сказала мама. — Я об этом не подумала.

— Отнесу его в дом. — Папа забрал у неё ёжика и взбежал по лестнице через две ступеньки. Мы поспешили за ним, и я попросила его быть

осторожней: не хватало только, чтобы он упал с этим колючим клубочком в руке.

Мы оказались в эпицентре чрезвычайной ситуации. Мне нужно было делать домашнее задание по английскому, а потом десять минут заниматься скрипкой и сольфеджио, мама должна была вести онлайн-совещание, но отменила его, а папа собирался замешивать тесто для пиццы, но сказал, что сегодня мы обойдёмся спагетти. В нашей жизни вдруг появилось кое-что поважнее — спасение ежа. Потому что после недолгих поисков в интернете папа выяснил, что этот несчастный свернувшийся клубком зверёк с полужакрытыми глазами действительно не собирался засыпать на зиму. Он собирался закрыть глаза навсегда. Если бы ему не повстречались мы — КАПУТ, ЧАО, ПРОЩАЙ, ПОКОЙСЯ С МИРОМ.

По крайней мере, так сказал папа. Вздволнованный, взбудораженный, он во весь голос зачитывал нам вслух кучу информации с сайта центра реабилитации диких ежей.

— Неужели есть такие учреждения? — изумилась мама. — Центры, которые занимаются исключительно спасением диких ежей? Есть люди, чья работа заключается в том, чтобы помогать диким ежам?

«Ну вот, — подумала я, — сейчас мама отправит туда резюме».

Резюме — это такой файл или распечатанный лист бумаги, где перечислены все места, где ты работал, и который ты рассылаешь в разные компании, когда хочешь сменить работу. А ещё там нужно указать, где ты учился и какие языки знаешь.

Например, моё резюме было бы таким:

Имя и фамилия: Нора Коссу.

Место жительства: Ута (обновить, когда мы найдём дом в Кальяри).

Образование: первый, второй и третий класс — начальная школа имени Грации Деледды в Сассари, четвёртый класс — начальная школа имени Джулио Анджони в Кальяри.

Музыкальные навыки: скрипка, уровень — начальный, мотивация — высокая (у моей учительницы хорошенький щенок пуделя, который всегда лижет мне уши).

Иностранные языки: английский, уровень — начальный, мотивация — средняя (а как иначе, если в группе кроме меня только трое мальчиков, которые вечно обсуждают футбол, дурацкие компьютерные игры, известные только им, и борьбу).

Спортивные навыки: теннис — самые азы (это красивое слово «азы» означает, что ты более-менее понял правила, но у тебя пока не очень хорошо получается).

Умение работать в коллективе: отличное (я обожаю делать уроки с моей подругой Софией, тем более что на закуску папа готовит нам сэндвичи с тунцом и оливковым маслом).

Готовность к переезду: максимальная (но меня должны сопровождать папа или мама).

На самом деле мама никогда не рассылает резюме, но время от времени узнаёт, что есть какая-нибудь профессия, которой она загорается и сразу мечтает бросить свою работу и начать новую карьеру. Например, цветочницы (по-моему, это и в самом деле лучшая работа на свете). Или декоратора. Или искать дома у моря для очень богатых людей (футболистов, рок-звёзд и инфлюенсеров). Или открыть пекарню-кондитерскую в Париже (правда, это затруднительно, когда живёшь в Уте). Или покупать на барахолках старую или старинную одежду и перепродавать в интернете. Или менять на старых стульях обивку и делать их уникальными.

Мама работает на банк, но НЕ В БАНКЕ. Судя по тому, сколько раз я слышала, как она это объясняет, это ОЧЕНЬ важное уточнение. Если я правильно понимаю, самое важное здесь то, что она, например, НЕ может помочь вам занять в банке деньги. И даже сама взять в банке деньги не может. Вместе с другими айтишниками она следит за тем, чтобы компьютеры банка хорошо

работали (что-то вроде того). Но такое точно никому не интересно.

ВЕРНЁМСЯ К ЁЖИКУ!

— Конечно, кто-то же спасает диких ежей! — воскликнул папа. — Им грозит вымирание! Ёлки-палки, им грозит вымирание! (Папа сказал не «ёлки-палки», а воспользовался выражением покрепче. Проблема в том, что папа часто употребляет ругательства, и, если я все их записываю, мне начинает казаться, будто я тоже их употребляю, так что давайте я буду писать «ёлки-палки», и вам всё будет понятно.)

— Ежи под угрозой вымирания? Да ладно, быть не может, они постоянно заползают в сад моего отца и ищут, что бы поесть. На Сардинии полно ежей! — не поверила мама.

— Да, но Сардиния — не единственное место на свете. Посмотри, сколько раненых, полумёртвых ежей оказывается в этом центре на севере Италии!

Папа показал маме экран компьютера: жуткие фотографии ежей, которые чуть не погибли, поранившись о проволоку и всевозможные острые ограждения.

Мама тут же закрыла лицо руками.

— О нет, я не хочу смотреть, бедные ёжики!

— Но ты права, я преувеличил, — сказал папа. — На самом деле здесь написано, что они представляют собой вид, который находится «под

минимальной угрозой вымирания». В любом случае есть определённые опасения, что они вымрут.

— Извините, — вмешалась я, — можно мы обсудим это позже, а сейчас займёмся им?

Папа сказал, что я права, но ему нужно ещё пять минут почитать, потому что, насколько он понял, очень важно не наделать ошибок: оказывается, многие люди считают, что помогают ежам, но в итоге причиняют им вред или даже становятся причиной их смерти.

«О боже, — подумала я, — только бы не стать убийцей ежей, нет-нет-нет-нет-нет».

— МОЛОКО! — вскрикнул папа. — ИХ УБИВАЕТ МОЛОКО! Кто бы мог подумать? Если дать ему обычное молоко, а не специальное, для ежей, он может умереть. Обычное молоко для него слишком жирное. НЕВЕРОЯТНО! Только представьте, сколько людей оставляют в саду молоко для кошек, а потом приползает ёжик и — БАХ! — умирает!

Тем временем мама сходила во двор, нашла картонную коробку, вернулась в дом и посадила туда ежа.

— Он всё ещё дрожит, — сказала она. — Дрожит, и всё тут: не шевелится, не ходит, ничего.

Сейчас я кое-что объясню, точнее, подытожу: в тот момент мы этого ещё не знали, но ёжик умирал от холода. Оказывается, это называется «гипотермия»: слово «термос» по-гречески

означает «тёплый», а «ипо» — «мало» (кажется), и, если у кого-то гипотермия, это означает, что ему мало тепла, то есть ему холодно, он умирает от холода, а «гипертермия» означает «много тепла», то есть очень-очень жарко, как при солнечном ударе.

— У него гипотермия! — воскликнул папа, наконец оторвавшись от компьютера. — Надо положить ему в коробку грелку.

Мама засуетилась в поисках грелки среди коробок с вещами, которые мы ещё не разобрали, нашла её, наполнила кипятком, завернула в толстую тряпку и положила в домик.

Внезапный поворот событий: ёжик зашевелился и подполз к грелке.

Я легла ничком на пол, но не слишком близко к ёжику, чтобы его не напугать, и уставилась на него, полная решимости не сдвинуться с места, даже если меня попытаются увести силой.

Шевелится, шевелится, шевелится! Жив! В какой-то момент он даже чуть-чуть приоткрыл глазки. А минут через пять сделал нечто невероятное: посмотрел на меня, огляделся и начал взбираться на грелку. Медленно-медленно, шагок за шагом, он залез на грелку верхом. Наверное, грелка уже немного остыла, и этот хитрец сообразил, что пусть лучше грелка лежит не просто рядом, а под животом и лапами. Я его понимаю, потому что иногда тоже пользуюсь

грелками — правда, электрическими. Но, в общем, это то же самое: когда тебе очень холодно, нет ничего лучше, чем грелка на животе (или под ним).

Кстати, о животах: папа выяснил, чем можно кормить ежей — ломтиками яблока и собачьим кормом.

— Я его покормлю! — Я вскочила, сбегала за яблоком, нарезала его и принесла ёжику.

Он подошёл, понюхал, попробовал на вкус. Поел он совсем немного, да и то с трудом.

— Он ленится есть яблоко, — сказала я.

— Ну что ты, лени в природе не бывает: если кто-то голоден, то ест, — ответил папа.

— Ты прав, — сказала я. — Он не ленивый, а слабенький, он скорее мёртв, чем жив, откуда же у него возьмутся силы, чтобы грызть яблоко? Давайте дадим ему корм для собак!

Вот только у нас нет ни собак, ни собачьего корма.

— Кто пойдёт к дедушке за кормом? — спросил папа. Поскольку дедушка Джайме, о котором шла речь, — это его отец, он явно имел в виду, что пойти к моему дедушке за кормом должна я (у дедушки и бабушки живёт дворняжка Рэмбо, правда, в школе меня научили, что правильно говорить не «дворняжка», а «МЕТИС»).

3

Рэмбо — крошечный мохнатый пёсик со слишком умными глазами, который как будто постоянно спрашивает: «Как мне показать тебе свою любовь? Скажи скорей, скажи!» Рэмбо называли так из-за старого фильма о войне, мне даже объясняли почему, но я забыла. Может быть, тот Рэмбо был очень милым псом, который, например, отправился на войну и убедил солдат прекратить сражаться. В любом случае я всегда хожу к дедушке Джайме и бабушке Филомене с радостью, или, как говорится в книжках, с восторгом. Я хожу к дедушке с бабушкой с восторгом, то есть не просто с удовольствием, а прямо-таки вне себя от счастья ещё и потому, что знаю дорогу и теперь, когда мы живём в Уте, в трёхстах тридцати шести шагах от их дома, могу ходить туда одна. Родители должны только перевести

меня через дорогу, потому что машины ездят на полной скорости, не притормаживая, зато дальше я могу идти без всякого сопровождения. Потом, когда я возвращаюсь, мне нужно крикнуть: «Мама, папа!», и один из них выходит, чтобы снова перевести меня через дорогу. «Потому что, хоть Ута и маленькая коммуна, автомобилисты гоняют как бешеные», — говорит папа, и он прав.

— Конечно, дедушка даст тебе баночку кор-
ма, — сказал дедушка Джайме.

Он всегда так со мной разговаривает. Он почти никогда не говорит: «Держи, Нора, вот тебе карамельки», а предпочитает говорить: «Держи, любовь моя, моя лапочка, свет моих очей, сердечко моё, сокровище, маленькая фея, прелестная принцесса, держи, вот тебе от дедушки карамельки...» Может, это звучит немного напыщенно, но мне в целом нравится. (Слова считаются напыщенными, если они все в бантиках, гладко причёсаны, усыпаны пайетками, красуются и раскланиваются.) Конечно, если бы все обращались ко мне так же, как мой дедушка, любой разговор длился бы кучу времени. Например, если бы учительница обращалась ко мне так: «Нора, многоуважаемая маленькая ученица за третьей партой, которая всегда вежлива со своими одноклассниками, учительница просит тебя, чтобы ты была так любезна и прочитала вслух тридцатую страницу». Вот и всё, спокойной ночи!

— Вот тебе баночка, держи, малышка, — сказал дедушка. — Но зачем тебе корм, Нора? У вас ведь нет собаки.

— ДЛЯ КРОШЕЧНОГО ЁЖИКА, КОТОРОГО МЫ НАШЛИ В САДУ, КОГДА ОН УМИРАЛ ОТ ХОЛОДА, МЫ ПОЛОЖИЛИ ЕМУ ГРЕЛКУ И СПАСЛИ ОТ ГИПОТЕРМИИ, НО ОН ВСЁ ЕЩЁ ГОЛОДЕН, И Я ПЫТАЛАСЬ НАКОРМИТЬ ЕГО ЯБЛОКОМ, НО ОН ПОЧТИ НЕ ПОЕЛ, И МЫ ПРОЧИТАЛИ В ИНТЕРНЕТЕ, ЧТО МОЖНО КОРМИТЬ ЕГО СОБАЧЬИМ КОРМОМ, ТАК ЧТО Я ХОЧУ ПОСКОРЕЕ ПОПРОБОВАТЬ, ДЕДУШКА, УМОЛЯЮ, ДАЙ МНЕ БАНОЧКУ, МНЕ НЕ ТЕРПИТСЯ НАКОРМИТЬ ЁЖИКА!

Всё это я выпалила на одном дыхании.

— Ёжик? — улыбнулся дедушка. — Вам нужно накормить ёжика, дедушкино сердечко?

— А ты знаешь, как будет «ёжик» по-сардински? — спросила бабушка.

Моя бабушка немного заиклена на сардинском языке: ей бы очень хотелось, чтобы я его знала, да и папа тоже на этом заиклен. Однажды я слышала, как он сказал моей тёте: «Понимаешь ли ты, что с тех пор, как в Уте поселились люди по фамилии Коссу, Нора — первый ребёнок за всю историю семьи Коссу, который живёт в Уте и не понимает по-сардински? И чья это вина, чья? Моя».

Тётя похлопала его по плечу и ответила: «Братишка, у тебя дочь от уроженки Сассари, а они

такие: говорят на сассарском, с этими странными звуками. Но твоя жена из Сассари, от которой у тебя дочь, — хороший человек, поэтому наберись-ка терпения. Мы ещё научим девочку сардинскому языку». Я стояла за дверью, слышала их и подумала: «Ну-ну, посмотрим, как вы меня научите». Но, если подумать, это плохо, мне жаль, что за много веков я — первая Коссу, которая не знает сардинского языка, хотя, в конце концов, я в этом не виновата: родители говорят по-итальянски, в школе уроки на итальянском, телевизор на итальянском, как тут выучишь сардинский? Я и английский-то не слишком хорошо знаю, хотя занимаюсь им каждую неделю.

И всё же бабушка с дедушкой, папа и тётя не сдаются и всячески пытаются научить меня сардинским словам: бабушка, например, обещает мне шоколадку за каждое выученное слово. Хотя вообще-то бабушка знает, что если я хочу чему-то научиться, то учусь и без шоколадок. Например, от неё я знаю очень много названий растений и цветов. Мой бедный папа не отличает оливковое дерево от бананового. Мне вечно приходится говорить ему, как называются растения (кстати, оливковое дерево по-сардински называется *obìu*, а банановое дерево называется *banànu* — ещё бы, ведь, по-моему, банан и есть банан на всех языках мира. А «ёжик» по-сардински *ARIZZÓNI*).

Пока бабушка всё это говорила, Рэмбо пытался облизать мне лицо и прыгал от радости, потому что увидел банку корма и подумал, что мы собираемся накормить его ужином.

— *Acabbàdda*, — велела ему бабушка. *ACAB-BÀDDA* — это не волшебное слово, как в сказке про Аладдина, хотя и звучит похоже: на сардинском оно означает «ПРЕКРАТИ».

— Сейчас же выпустите ёжика на волю, ведь его же ищет мама, — сказал дедушка.

Я и сама думала о том же: мы спасли его от холода, а теперь кормим, но остаётся огромная проблема — бедная мама-ежиха не с ним и наверняка его ищет.

Небольшое отступление: как-то раз я потерялась в супермаркете, и мама искала меня, бегая из одного ряда в другой с выпученными глазами (на самом деле глаза у неё, конечно,

не выпучились, это просто очень красивое образное выражение, сами понимаете, что оно означает), а когда нашла, то обняла и, чуть не плача, сказала: «Всё хорошо, малышка, всё хорошо». Вот только я даже не заметила, что мы друг друга потеряли, потому что читала в журнальном отделе комикс, так что у меня всё и впрямь было хорошо. Но вечером, когда мы вернулись домой, я услышала, как она говорила папе, что чувствовала себя так, словно умирает (ВОТ ЭТО ДА!), сердце у неё разрывалось и несколько минут она думала только о том, что я наверняка в отчаянии, и ей казалось, будто она бежит в два раза быстрее обычного, но, к счастью, она быстро меня нашла, а я даже не волновалась. Ещё бы, ведь я, ничего не замечая, читала комикс. Но теперь, когда я вспомнила тот случай и подумала о том, что ёжик разлучён со СВОЕЙ мамой, у меня сжалось сердце (на самом деле сердце у меня не сжимается, вряд ли такое вообще возможно, это тоже образное выражение. «Сердце сжимается», «кровь стынет в жилах», «глаза на лоб лезут», «голова кругом» — образных выражений, связанных с телом, полным-полно. Может, это врачи и учёные придумывают их на досуге).

— Мама его не ищет, — сказал папа, когда я вернулась домой. — Я только что разговаривал с женщиной-ветеринаром из центра реабилитации диких животных в Реджо-Эмилии.

И мама-ежика его не ищет в том числе потому, что она сама, возможно, уже в спячке.

— Как это ты разговаривал с женщиной-ветеринаром из Реджо-Эмилии, в каком смысле? — спросила мама. — Ты за пять минут нашёл номер телефона ветеринара? Из Реджо-Эмилии? Ты уже был с ней знаком? Ты познакомился с этой девицей по работе?

Папа ответил, что нет, он поискал в интернете, нашёл номер и позвонил по нему. Тогда мама сказала:

— Извини, но я уже несколько недель прошу тебя найти мастера, который бы заправил кондиционер в машине, а ты вечно отвечаешь, что не можешь, что тебе некогда искать и что никто не берёт трубку, а сейчас пять минут — и вуаля! — ты находишь номер телефона ветеринара, которая специализируется на умирающих ежах?

Папа закатил глаза и, видимо, решил, что этот вопрос не имеет никакого отношения к нашей чрезвычайной ситуации, а значит, можно его проигнорировать.

— Фактически происходит следующее, сейчас я вам объясню, — сказал он. — Из-за глобального потепления...

Тут я его перебила, потому что уже открыла банку и начала выкладывать корм на блюдце.

— А можно мы сначала его покормим, а потом будем разглагольствовать? — спросила я.

Папа согласился (у папы чёрный пояс по длинным объяснениям, которые частенько перерастают в самые настоящие лекции — так называемые РАЗГЛАГОЛЬСТВОВАНИЯ).

— Не клади много, ему нужно привыкнуть к консервам и к пище, подвергшейся кулинарной обработке. В общем, мясо из банок слишком жирное и может ему навредить.

Я положила в блюдо три кусочка мяса, и — О ЧУДО! Ежонок согрелся и ожил и, как только я поставила рядом с ним блюдо с сочным кормом, набросился на него, залез в блюдо и слопал все три куса за секунду, как будто боялся, что они убегут (впрочем, возможно, в природе именно это и могло произойти с его потенциальным обедом, ведь ежи едят в основном червяков и улиток. Ещё я узнала, что это ежи питаются мышами, а не наоборот).

— Он всё съел! — обрадовалась мама. — Всё!

Не успела она договорить, как всё мясо вывалилось у бедного ёжика из попы.

— Бедняга, у него понос, — сказал папа.

— Ещё бы! — воскликнула мама. — Кто знает, как давно он не ел. Позвони ветеринару, спроси, сколько еды ему нужно давать, подходит ли ему мясной корм, какую марку лучше покупать, как бороться с диареей и можно ли что-нибудь сделать, чтобы он поскорее поправился! Давай же, быстрее, позвони ей и спроси!

«Бедная ветеринар, — подумала я. — Она понятия не имеет, во что влипла. Ей придётся сменить номер телефона».

4

В тот момент истории явно не хватало одного — клички. Если бы ёжику предстояло прожить у нас всего пару дней, мы, возможно, могли бы и дальше называть его просто «ёжик». Но ветеринар (бедную женщину-ветеринара, которой мои родители стали названивать по три раза на день, зовут Кристина) сказала нам, что несчастный зверёк должен провести в безопасном убежище всю зиму, только тогда он выживет. То есть нам нужно кормить его и содержать в тепле, пока он не станет достаточно взрослым, чтобы свободно исследовать мир без посторонней помощи.

Когда папа сказал, что это связано с глобальным потеплением, он имел в виду следующее